

сэр Джон пошел в народ

Несмотря на то что история «Фальстафа» происходит в Англии, виндзорские кумушки все как одна носят шотландку

ИЛЬЯ КУХАРЕНКО

С. 11

Oper fur alle — «Опера для всех» — так называется знаменитая акция, которая непременно проходит на каждом Мюнхенском оперном фестивале. На площади перед Национальным театром выстраивают огромный телеэкран и устанавливают аппаратуру, чтобы собравшийся на улице народ мог насладиться прямой трансляцией из Баварской оперы.

Места начинают занимать часа за два до начала. Люди побогаче бронируют высокие столики в близлежащих кафе, менее состоятельные сидят на парапетах. «Демократичная» молодежь, порой в шелковых вечерних платьях и костюмах, но с рюкзаками, устраивается на каменной мостовой, раскладывая коврики, подушечки, доставая вино, снедь, болтает в ожидании шоу, почитывая явно незнакомое содержание «Виндзорских проказниц». Несмотря на страшный солнцепек и не самую популярную оперу Верди, народу к началу представления собирается столько, сколько у нас не соберешь и на трансляцию футбола. Подошедшие за полчаса имеют шанс постоять вдалеке, периодически вставая на цыпочки, чтобы хоть что-то рассмотреть, но все равно стоят.

Для собравшихся на улице шоу имеет свои преимущества: к сидящим в зале не обращается главный дирижер театра Зубин Мета, им не пересказывает содержание суперинтендант театра сэр Питер Джонас. А в антрактах только на улице показывают репортажи из-за кулис с мини-интервью, а публика, вышедшая подышать воздухом из театра, мостится на ступеньках и выворачивает шеи, чтобы увидеть то, что доступно глазам лишь тех, кто на площади.

«Фальстаф» последняя и единственная комическая опера Верди, если не считать раннего и провалившегося «Короля на час». С легкой руки Артуро Тосканини «Фальстаф» стал в XX веке невероятно популярен, несмотря на «трудную» для ушей музыку, обилие сложнейших ансамблей, включая знаменитую финальную фугу. Каждое оперное поколение непременно задается вопросом: а кто у нас Фальстаф? Примерно так же, как: а кто у нас Кармен, Дон Жуан или Изольда. На данный момент, кажется, ответ вновь найден — несколько лет назад Риккардо Мути пригласил в свою постановку в La Scala никому тогда не известного Амброджио Маэстри, и открыл новую звезду. Двухметрового роста, грузный, но очень подвижный певец сценически — идеальный сэр Джон, и к тому же обладает

удивительным по красоте и силе бархатным баритоном. Сейчас он главный Фальстаф поколения.

На Маэстри и держалась эта довольно незатейливая, но качественная постановка, осуществленная режиссером Айком Грамссом и художником Готфридом Пильцем (тем самым, что ставил первые части тетралогии Вагнера в Мариинке). В этом спектакле работа Пильца оказалась куда удачнее. Поворотный круг под небольшим наклоном — хороший образ комической круговерти. Все костюмы с шотландскими мотивами — непонятно почему, ведь дело-то происходит в Виндзоре, но все равно забавно. Пильц явно подтрунивал над национальными чертами этого гордого народа. Зачем? Видимо, по ассоциации с шотландским килтом принца Чарльза, принадлежащего к династии Виндзоров, что, конечно, весьма необязательный резон.

Состав в целом пестрел звездами — виндзорских кумушек прекрасно пели и заразительно играли сопрано Адрианна Пьечонка (Аличе), меццо Катарина Карнеус (Мег) и легендарная Мариана Липовшек (миссис Куикли). Юную Нанетту в джинсе и клепках пела Ребекка Эванс, покоряющая публику воздушными пианиссимо, словно растворяющимися в воздухе. Среди мужчин выделялись и статью и голосом рэповато-хипповатый Фентон в исполнении Райнера Троста, и ревнивый Форд в желто-клетчатом килте, спетый Лючио Галло.

Оркестр под управлением Меты звучал отменно — здесь маэстро явно понимал, что за комическим сюжетом кроется некое творческое завещание великого маэстро, и влюбленный толстый старый выпивоха Фальстаф — еще и в какой-то степени автопародия великого композитора, причем довольно жестокая. Пожалуй, единственный, но очень заметный недостаток — ансамбли, которые никак не хотели быть синхронными. Даже финальная фуга — краеугольный камень этой партитуры — прозвучала не идеально. Возможно, дело в некоем акустическом казусе: звук оркестра и голоса певцов с разной скоростью летят в зал в силу расстояний и вечно вращающегося круга, но, так или иначе, впечатление было смазано.

Однако «Фальстаф» тем и хорош, что не так известен народу, который был страшно доволен. В финале — все участники по традиции Oper fur alle лишь один раз выходили на поклон перед театральным занавесом, а затем — бегом на ступеньки, прямо в гриме — собирать уличные овации и говорить прощальные теплые слова. Те, кто в театре, сначала недоуменно продолжали хлопать, а потом, сообразив, торопились на улицу — ухватить хоть кусочек...

Газета 2003-24 июля